

Иногда песня переводится на русский язык, как, например, популярная в свое время песня «Микита»:

А Микита жыто веет,
Микитиха муку сеет.
Микита, Микита,
Клином шубонька сшита!..

(Брыль. Стежки, дороги, простор. С. 126)

Таким образом, использование белорусских песен в переводах подчинено передаче идейно-художественных особенностей оригинала, сохранению национально-культурного фона произведения.

БЕЛОРУССКАЯ ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Ономастическая лексика занимает особое место в системе художественных средств. Как отмечает В. С. Виноградов, имя собственное — всегда реалия, оно обычно содержит информацию о локальной и национальной принадлежности обозначенного им объекта¹⁷⁴.

Информативная структура имени собственного содержит в себе не только отмеченные особенности, она гораздо сложнее. А. В. Суперанская выделяет три типа информации имени: речевую, которая осуществляет связь имени с объектом и выявляет отношение говорящего к объекту, энциклопедическую — комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным именем, и языковую информацию, которая кроме первичной и минимальной, что это имя, заключается в характере и составе компонентов имени¹⁷⁵. В художественной речи ономастическая лексика неизбежно несет в себе и эстетическую информацию, порожденную характером и спецификой самой сферы художественной литературы.

Белорусская ономастическая лексика, функционирующая в прозаических переводах, делится на две большие группы — антропонимы и топонимы. Между этими группами существуют определенные структурные и функцио-

¹⁷⁴ Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. С. 124.

¹⁷⁵ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 256—260.

нальные различия, поэтому целесообразно рассматривать каждую из них в отдельности. Обратимся к антропонимической лексике.

В. В. Виноградов отмечал, что вопрос о подборе имен, фамилий и прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях, об их образных и характеристических функциях — большая и сложная тема стилистики художественной литературы¹⁷⁶. В прозаическом переводе этот вопрос имеет свои особенности. Перед переводчиком не стоит проблема подбора личных имен, ее решил автор произведения, а стоит задача их адекватного перевода, сохранения идейно-художественного и национального своеобразия оригинала.

Близкое родство белорусского и русского языков создает немало специфических трудностей при переводе личных имен с языка на язык. По мнению В. П. Рагойши, в передаче антропонимов с одного восточнославянского языка на другой существует поразительный волюнтаризм, который и «по своим масштабам намного превосходит переводческую отсебятину, иногда еще встречающуюся в переводах на эти языки с других неславянских европейских языков»¹⁷⁷. Хорошей иллюстрацией к этому высказыванию служит перевод фамилии *Апейка* в дилогии И. Мележа. Переводчик романа «Люди на болоте» передает ее как *Опейка*, переводчик романа «Дыхание грозы» — как *Апейка*. Дополнительная трудность в передаче белорусских личных имен создается тем, что в белорусском языке нормативность именослова выражена гораздо слабее, чем в русском¹⁷⁸. Как отмечает Н. В. Бирилло, повседневное использование имени в устном общении в самых различных ситуациях и необходимость передачи широкой гаммы чувств в отношении к носителю имени обусловили возникновение для каждого имени большего или меньшего количества вариантов¹⁷⁹, куда включаются и региональные, диалектные варианты.

Выделяют четыре основных способа передачи антропонимов: 1) трансплантацию — пунктуальное, факсимильное воспроизведение графического облика имени; 2) транс-

¹⁷⁶ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 38.

¹⁷⁷ Рагойша В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков. С. 138.

¹⁷⁸ Ключев Г. Н. Белорусско-русские параллели в передаче личных имен // Русский язык. Мн., 1982. Вып. 2. С. 39.

¹⁷⁹ Бірыла М. В. Беларуска антрапанімія. Мн., 1982. С. 16.